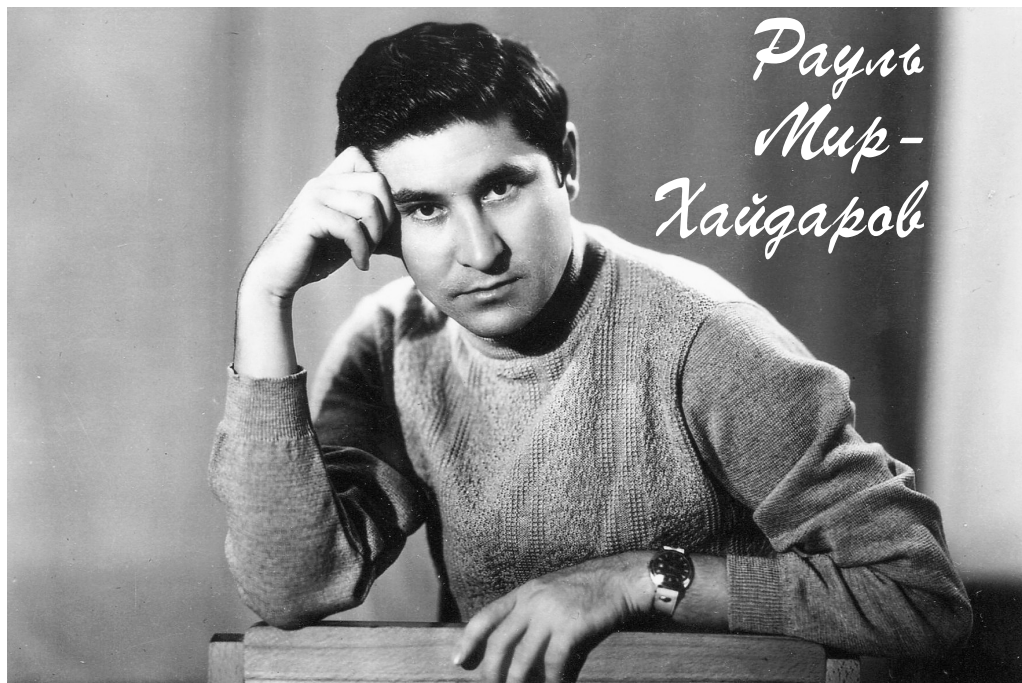

Раул
Мир-
Хайдаров

181

эссе

Венеция и цветы из Ниццы

*И всё, что было мило и немило,
Вода навеки унесла.*

СОВСЕМ недавно, когда меня пригласили на открытие моей памятной доски на здании технического колледжа в Актюбинске, который закончил в далёком 1960 году, я провёл интересный, душевный вечер в компании земляков,

пристально следящих не только за моими книгами и публикациями, но и за моими путешествиями по миру. О тех путешествиях много сказано в моих мемуарах «Вот и всё... я пишу вам с вокзала». По разным странам было сделано множество фотографий, которые широко представлены на моём сайте. Там снимки из Лондона, Рима, Вены, Мюн-

На одной из улиц Венеции

хена, Амстердама, Стокгольма, Брюсселя, Монте-Карло... Но этим вечером мой рассказ о замечательных, полных истории, великой архитектуры и культуры городах, никак не складывался, не вызывал почему-то огня и интереса у моих собеседников.

Однако эту вялотекущую беседу нарушил молодой бизнесмен, с чьим отцом я часто общался в молодости. Он рассказал, что уже не раз прочитал мемуары, выложенные на моём сайте, и ему особенно запомнились главы, где упоминается Ницца, Канны, маленькие приморские городки Прованса, юга Италии, Венеция. Он задал вопрос, прозвучавший для меня мистически, который возвращал меня в юность, давал вновь остро почувствовать моё время, время первой оттепели в стране сурового обитания, где все мечты и фантазии упирались в железный занавес.

Только благодаря интересу юноши и состоялось это эссе, воспоминания для которого я нашёл в глубине и закоулках своей памяти. Это пример того, как неожиданно рождается литературное произведение, будь то рассказ, поэма или пьеса.

Вопрос этот дословно прозвучал так: «А какие у вас сложились отношения в юности с Ниццей, Венецией. Мечтали ли вы когда-нибудь посетить эти города?»

Я ответил искренне: нет, не мечтал, и вряд ли моё поколение примеряло на себя такие путешествия в далёкие страны. Мы даже не помышляли, что когда-нибудь, пусть случайно, побываем там. Другая жизнь, другие мечты, другие планы, ориентиры.

Но... Однажды... в Актюбинске я испытал эмоциональный взрыв только от одного названия не знакомого мне города. Я пришёл на концерт гастролёров из Москвы во Дворец железнодорожников с девушкой, о ней я написал в рассказе «Монолог Арбенина», о ней упоминал в мемуарах, когда впервые в 17 лет пригласил её в лучший ресторан города.

Концерт был так себе, но запомнилась одна томная, манерная певица с неожиданно глубоким голосом, как у Далиды. Запомнилась надолго романсом «Цветы из Ниццы». Песня что-то затронула в моей душе, да так, что это почувствовала моя спутница. Особенно, до дрожи, меня взволновали слова припева, где рефреном повторялось: Ницца... Ницца... После концерта я несколько раз напел припев, словно предчувствовал, что когда-то что-то свяжет меня с далёкой и романтической Ниццей, откуда возлюбленным посылают цветы. Но девушка не поддержала моего романтического порыва, сказала: «Оставь, цветы из Ниццы не про нас». Даже в 17 лет, на пороге взрослой жизни, когда всё впереди видится только в мечтах, фантазиях, мы не могли и помыслить ни о Венеции, ни о Ницце, ни о Монте-Карло, ни о Фиджи и Сан-Тропе, ни о Париже...

Но много лет спустя я всё-таки побывал почти во всех романтических местах, щедро разбросанных по миру, упомянутых в прочитанных мною книгах, вызвавших у меня восторг и очарование, и добрался-таки до своей Ниццы. И почему-то в Ницце мне будут нравиться рестораны только на цветочном базаре в старом городе. Я люблю покупать цветы на Лазурном берегу для моей жены Ирины только там. Цветы из Ниццы... которые так разволновали меня в 17 лет.

Ницца для меня – это прежде всего паломничество в Грасс (40 км от Ниццы)

к великому Ивану Бунину, к его вилле «Бельведер» на горе, у парка принцессы Анны, где он прожил тридцать лет, где написал знаменитые «Тёмные аллеи», где получил известие о присвоении ему Нобелевской премии. Я сам нашёл места, любимые Иваном Алексеевичем в Грассе – посидел у могучего дуба, чей возраст уже перевалил за два с половиной века, нашёл на старой площади города кафе на открытом воздухе под ажурным, отлитым из чугуна шатром, построенном в 1912 году архитектором Эйфелем, да-да, тем самым Эйфелем, создавшем знаменитую парижскую башню.

Каждый раз, бывая в Грассе, мы с Ириной обедаем в этом кафе, представляя, как любимый писатель просиживал здесь долгие летние вечера за бутылкой «Бордо».

Жизнь в Ницце для меня предполагает частые поездки в горы, в городок Сен-Поль-де-Ванс, его ещё называют городом ста галерей, где представлены современная и антикварная живопись, а также скульптуры малой формы известных мастеров со всего света. Такого разнообразия форм, стилей, сюжетов, жанровых сцен в скульптуре я не видел даже в лучших музеях современного искусства. Сен-Поль-де-Ванс притягивает нас с Ириной как магнит. Разве можно представить себе более интересное место для коллекционера живописи и скульптуры с пятидесятилетним стажем!

Но если быть откровенным до конца, почему меня притягивает Ницца, нужно объяснить, что только здесь повсюду я встречаю следы жизни другого моего горячо любимого писателя, кумира – Ф. С. Фицджеральда и его литературных героев. Их следы я нахожу по всей цепи приморских городков, которые я очень люблю и часто там бываю. Начинаются они от Вильфранш-сюр-Мер до Жуанле-Пен, где Фицджеральд купил на свои сумасшедшие гонорары от издания «Великого Гэтсби» роскошную виллу, которую нынешние владельцы переделали под ресторан. С веранды этого ресторана, скроенного по фицджеральдовским

лекалам, хорошо просматриваются лежащие внизу море, сады, рощи. Этот сохранившийся ракурс так любил Фицджеральд и называл его раем на земле. Подробнее о Ницце, о Провансе, о Фицджеральде можно прочитать в мемуарах и во многих моих романах.

В Венеции я бывал с Ириной трижды и хочется поделиться не столько впечатлениями об этом городе, они, наверное, будут у каждого свои, я же хочу дать советы тем, кто ещё только собирается в те края. В Венецию надо приезжать на неделю минимум, там есть что посмотреть. Селиться желательно в центре, живя в Местре, вы будете очень уставать, переезды отнимут ваше драгоценное время, а из центра вапоретто (водный транспорт) стартует сразу во все стороны. В Венецию надо приезжать ранней весной или осенью, когда спадает не только поток туристов, но и жара. В хорошую гостиницу не попасть, если не заказать и оплатить её месяца за два. Иначе придётся жить в тесных безоконных комнатах, или ваши окна будут выходить на канал, который не везде приятно пахнет.

В Венеции есть филиал знаменитого музея Гуггенхайма. Открыла его Пегги Гуггенхайм, вдова владельца американского музея. Билет, по нашим меркам, дорог – 16 евро. Но мне больше нравится местный музей «Ка' Пезаро», история которого насчитывает больше двух веков – роскошный, неожиданный, занимает четыре этажа, на него и двух дней не хватит.

Один день целиком надо побыть на острове Мурано, откуда пошло знаменитое венецианское стекло. Посетите в Мурано музей истории стекла, там большинство экспонатов выполнено в единственном экземпляре, и многими из них владели великие венецианцы. Можно увидеть и как сегодня выдуваются уникальные произведения – вся работа делается вручную, как и века назад. Магазинов, лавчонок, торгующих цветным стеклом – сотни, на любой кошелек. Меня там поражают скульптуры

из стекла – но это уже высший пилотаж известных мастеров. Глаз не оторвать, столь хороши изделия. Но дорого. Много предметов быта – какие бокалы, фужеры, вазы, подносы, тарелки предлагают в каждом магазине! – дух захватывает. В Мурано приобретают не только сувениры из стекла, но и серьёзные подарки для близких, для молодожёнов, для домашнего интерьера.

Если вам дорого имя нашего знаменитого поэта Иосифа Бродского, посетите остров Сан-Микеле, поклонитесь его могиле. Мы были там трижды, возлагали

цветы в разные годы и в разное время. Не рассчитывайте, что легко найдёте его могилу, посмотрите на моём сайте, где я разместил фото его захоронения, этот снимок будет вам ориентиром в поиске. Очень скромно всё, вместо привычного для нас гранита, мрамора – невысокое бетонное надгробие с выбитым на нём именем поэта. В последний наш приезд искрошившееся бетонное надгробие заменили на новое, точно на такое же бедненькое, кладбищенско-стандартное. Грустно... Печально... Жаль...

Я уже писал, что у Бродского много почитателей среди российских миллионеров, по телевизору они часто распинаятся в любви к его творчеству, но почему же тогда они не поставят своему кумиру достойный памятник? Бродский уж точно заслуживает быть отлитым в бронзе. На мой взгляд, он прославил не только себя, Петербург, но и Россию. Открыл список Нобелевских лауреатов великий Бунин, а продолжил он, Бродский.

В Венецию с Ириной мы всегда прилетали самолётом, но уезжали дважды поездами. Ночные поезда в Европе сохраняют время. Однажды мы отправились из Венеции в Женеву, оттуда переехали в Монрё, чтобы поклониться другому кумиру – Владимиру Набокову. Вот у кого достойный памятник! Памятник стоит в сквере на фоне отеля «Монрё Палас», где писатель прожил в апартаментах 18 лет. Мы остановились в «Монрё Палас» на том же этаже, где он жил, обедали и ужинали за тем же столом, где чаще всего сидел Набоков. Фотографии отеля и памятника есть на моём сайте, но это адресуете тем, кому дорог Набоков. Есть на сайте и фотография памятника Бунину в Грассе у его виллы «Бельведер», где он прожил 30 лет.

Второй раз поездом мы уехали из Венеции в Мюнхен, где живёт старый друг моей ташкентской молодости Александр Фитц, серьёзный писатель, жизнелюб, бывший главный редактор двух известных в Ташкенте и Москве газет. У него много книг, изданных в России и Германии, он лауреат нескольких пре-

184

Остров Сан-Микеле в Венеции,
у могилы И. Бродского

стижных премий. Присутствует на известных интернет-сайтах. Поехать в Мюнхен мы планировали давно, нас интересовал там крупнейший в Европе музей современного искусства. А Фитц, в молодости поклонник мюнхенской «Баварии», как и я, обещал отвести нас с Ириной в загородный ресторан, где несколько столиков навечно зарезервированы за «Баварией». Контактный Фитц, не потерявший журналистской хватки, знает многих действующих игроков, но больше любит общаться с поколением Оверата, Мюллера, Беккенбауэра, Шнелингера, Фокса... В музей мы ходили три дня, очарованные величайшим собранием, приобрели новые знания о современном искусстве. Попали мы и в ресторан. Фитц с супругой Ириной угостили нас удивительной по красоте и вкусу рыбой, нам представили её живой, трепыхающейся на серебряном подносе. Конечно, разговор шёл о Ташкенте, то и дело звучало «А помнишь?» Ирина, жена Фитца, тоже из Ташкента, врач. Всё было замечательно, только футболисты «Баварии», ни старые, ни молодые, в тот вечер в ресторане не появились.

Но вернёмся к Венеции – когда и как она вошла в мою жизнь. Моё первое, ярчайшее знакомство с Венецией произошло в далёкой невозвратной юности. В 1964 году, в конце февраля я летел из Ташкента в Джезказган, прямых рейсов туда не было, и я должен был сделать пересадку в Алма-Ате. Казахская столица встретила бурей, и наш самолёт с трудом приземлился. Не успели мы пройти в аэровокзал, как услышали сообщение – аэропорт закрывается по метеословиям на двое суток. Меня эта неприятность, признаюсь, не огорчила, скорее наоборот. В молодости я знал и любил Алма-Ату. Я отправился в гостиницу «Казахстан», где уже не раз останавливался. Замечательный отель в центре города, рядом кинотеатр, концертные залы, универмаг. В городе метель вела себя менее агрессивно, и столица жила обычной жизнью. Я быстро

снял номер и через полчаса уже купил билет на английский фильм «Свидетель обвинения». До сеанса успел обежать универмаг, заглянуть в книжный магазин и даже купить книгу тогда не известного мне польского писателя Станислава Дыгата «Путешествие», потому что она вышла в «Художественной литературе» в популярной серии «Зарубежный роман XX века», которую я собирал. 60-е прошлого века – ярчайшие годы советской эпохи, страна рвалась к звёздам в прямом и переносном смысле. Дух соидания царил во всём – страна стро-

185

Монтрё (Швейцария),
у памятника В. Набокову

илась, обустроивалась повсюду. Везде, не только в Москве, бурлила жизнь, что ни день открывались театры, концертные залы, гостиницы, тот же отель «Казахстан», где я остановился. 60-е годы отмечены ещё тем, что по всей стране открывались молодёжные кафе. Пошёл в Алма-Ате и я в такое кафе рядом с отелем. Но долго там не задержался, ни на минуту не мог я забыть о книге и не знакомом мне писателе. Вернувшись в гостиницу и устроившись в уютном кресле под торшером, открыл книгу... На меня с первых же глав повеяло запахами моря, на волнах которого уже веками процветал великий торговый город... Надеюсь, вы поняли, что роман оказался о Венеции. Я лёг спать только под утро, но книгу не дочитал. Но я и не спешил – так радовался сложившимся метеоусловиям. Роман был написан мастерски, автор прекрасно знал Венецию, понимал, что в великих городах кипят великие страсти. Истории людей, живущих на воде, совсем не похожи на истории влюблённых, живущих на бренной земле, на суше совсем иные шторма и наводнения. Главное, что я отметил тогда, что автор умеет передавать настроение не только героев, но и времени. Через семь лет я открою для себя Фицджеральда и тут же вспомню Дыгата, чьё «Путешествие» напомнит мне и «Великого Гэтсби», и «Ночь нежна». Достойная ассоциация!

Изложу вкратце сюжет, который навсегда оставил Венецию в моей памяти. У молодого варшавянина, студента из простой семьи, старший брат давно обитает в Италии, там он стал одним из самых известных кинорежиссёров, женат на знаменитой кинодиве, живёт в роскоши, с отчим домом не общается. Но однажды, на студенческие каникулы он неожиданно приглашает младшего брата в гости, в Венецию, где снимает очередной фильм. Устраивает брата в хорошем отеле, где юноше открывает неограниченный счёт, одевает его с ног до головы, даёт на расходы большую сумму, но встречается с ним редко, общается только по телефону – занят, съёмочный

день в Венеции и тогда стоил сотни тысяч долларов. В волшебной Венеции юноша, предоставленный самому себе, встречает неземной красоты девушку, влюбляется, и у них начинаются невероятно романтические отношения, быстро перешедшие в страстную любовь – кино, да и только. Такая стремительная история может возникнуть только на Лазурном берегу или... в Венеции.

Но... история любви кончается для юноши таким разочарованием, крахом, что я даже не могу пересказать, нужно цитировать автора, но я не стану. Возвращаясь в Варшаву, в вагоне-ресторане, повзрослевший на годы юноша рассказывает свою печальную историю случайному попутчику.

Я люблю в романах заключительные строки, лучшие из них говорят о большом мастерстве писателя, но они мало кому даются, не даются и мне. Лучшим примером считаю последние строки Фицджеральда в «Великом Гэтсби», я использовал их эпиграфом в «Ранней печали» и в мемуарах.

Степень разочарования юноши в Венеции, где он был счастлив, столь велика, трагична – он даже хотел покончить с собой, – что ему сочувствуешь, хотя он сказал о Венеции такие кощунственные слова, такие безжалостные, как никто и никогда не говорил о ней. Но мы невольно прощаем ему даже жуткое пророчество, цитирую героя по памяти: «... говорят: Венеция ежегодно погружается на несколько сантиметров в пучину – пусть проглотит её море!» Но Венеция держится, к нашей радости, несмотря на всякие природные катаклизмы и проклятия.

Я просто обязан сказать несколько слов о Станиславе Дыгате, познакомившего меня не только с Венецией, но ещё и открывшего мне Польшу, поляков. Прочитав «Путешествие», я стал тоньше понимать поляков, их романтические порывы души, их гусарство, их галантность, тягу к искусству, к другой, более достойной и независимой жизни. Дыгат открыл мне дверь в великую польскую литературу, благодаря ему я

познакомился с Болеславом Прусом и его легендарным романом «Кукла», достойным Нобелевской премии. Я рад, что роман не затерялся в XXI веке, недавно по нему снят многосерийный фильм. А дальше мой список польских писателей пополнили: Ежи Путрамент с его трагической «Чашей», Ежи Стефан Ставинский, Генрик Сенкевич, Владислав Реймонт, Бруно Ясенский, Юлиан Тувим, Мария Домбровская, Станислав Лем, Славомир Мрожек. Двое из этого списка – лауреаты Нобелевской премии.

Благодаря знакомству с литературой, я открыл для себя и польское кино, и великих польских кинорежиссёров: Анджея Вайду, Романа Полански, Анджея Жулавского, Ежи Кавалеровича, Ежи Гофмана, Кшиштофа Занусси – человека рафинированной культуры, энциклопедически образованного. Он не только снимает кино мирового уровня, но и ставит театральные постановки в известнейших театрах по всему миру. Преподаёт в престижных университетах мира, часто выступает по телевидению в разных странах. Как многие поляки, он – полиглот, говорит на многих языках и на русском тоже. Я записал несколько его выступлений в больших аудиториях и время от времени прослушиваю их снова и снова. Культурная глыба, величайшего ума человек, просветитель, профессионал, гуманист. Кстати, через 40 лет после прочтения «Путешествия», хорошо зная творчество Кшиштофа Занусси, я неожиданно подумал: а не стал ли он прототипом героя романа Станислава Дыгата? Не удивляйтесь, у Кшиштофа старший брат жил в описываемое время в Италии, он мультимиллионер, владелец старейшего в Европе бренда стиральных машин «Занусси». Вот куда могут завести думы от хорошей книги. Если мне когда-нибудь удастся встретиться с Кшиштофом Занусси, обязательно спрошу его об этом.

С Польшей, с польской музыкой у меня есть ещё одна неразорванная с юных лет связь. Нет, я не о полонезе

Михаила Клеофаса Огинского, что по радио регулярно звучал для советских слушателей лет пятьдесят и оборвался вдруг, к сожалению, навсегда. Жаль, прекрасная музыка!

Но я сейчас о другом. В 1955 году я приобрёл пластинку ещё до «виниловой» эры, тогда не существовал даже термин «миньон», а купленная пластинка была именно этого размера. На ней оказались песни польских композиторов. Одна из них стала чрезвычайно популярной, я помню, как её крутили на всех танцплощадках Мартука, Актюбинска, Оренбурга лет пять. Волнующая душу мелодия танго до сих пор сохранилась в моей памяти. Называлась она «Апассионата». Прошло шестьдесят лет, а я до сих пор помню имя исполнителя – легендарный король эстрады Януш Гнятковский.

Пластинку я никому не доверял, долго сам приносил на танцы в парк и в зимние танцевальные залы, но не уберёг – всё-таки она пропала. С тех пор я упорно искал эту пластинку. Мне обещали помочь и поляки, с которыми я общался в разных странах, обещали и знакомые меломаны. Но, помог Интернет – хотя пластинку я не нашёл, но, спустя многие годы, снова насладился этой щемяще-грустной и печальной польской мелодией, которая не уступает по силе настроения и королю танго Астору Пьяццолле, мелодии которого ещё с середины 30-х годов прошлого века Апрелевский завод грампластинок тиражировал миллионами экземпляров.

Я нашёл запавшую в душу «Апассионату», которую многие годы помнил и искал. Оттого у меня крепнет надежда, что польская ретро-музыка 50–60-х годов ещё обрадует новые поколения россиян.

Тем, что я люблю Польшу, её народ, её культуру, литературу, искусство во всех его формах, польский шарм в мужчинах и женщинах, я обязан только – Станиславу Дыгату. Ищите в любой стране своего писателя и вам всегда откроется во всей красе его родина и народ.

Но вернёмся в Венецию. Есть там два места, чаще всего упоминающиеся в туристических проспектах и в разговорах тех, кто там побывал – площадь Сан-Марко и кафе «Флориан». О кафе, которому сегодня без малого триста лет, хочется добавить несколько слов. Мы всегда жили в пяти-семи минутах хода от Сан-Марко, в гостинице у театра «Ла Фениче» и по вечерам заглядывали во «Флориан» не только из-за музыкального квартета, где действительно играют замечательные музыканты. Нынешний вид «Флориан» приобрёл в середине XIX века, когда семья Флориан продала известное кафе. Заведение было настолько популярным, что новые владельцы, перестроив его до неузнаваемости, вынуждены были оставить герб первого владельца, на котором обозначено «Флориан». Забыл сказать, что со дня основания его могли посещать мужчины и женщины, до «Флориана» женщины в подобные заведения не допускались. Кафе кроме столиков на открытом воздухе имеет внутри ещё три зала. Мне особенно нравится зал Великих людей, его оформлял художник Джулио Карлини, он написал портреты десяти прославленных венецианцев – Карло Гольдони, Марко Поло, Тициана, архитектора Палладио, композитора Марчелло, учёного Паоло Сарпи и адмирала Пизани.

Нравится мне и Китайский зал, очень популярный сегодня у китайцев, заполнивших все туристические маршруты мира. Пишу эти строки в Испании, только что вернулись с Ириной из маленького очаровательного городка Михас, где есть на что посмотреть, мы стараемся посетить его каждый раз, бывая в Андалузии. Сегодня настроение испортили гости из Поднебесной, нигде не протолкнуться, все кафе, рестораны заполнены ими под завязку. Учтите «китайский фактор», отправляясь в Венецию. Наверное, надо отметить, что во «Флориане» бывали Гёте, Байрон, Пруст, Модильяни, Дягилев, Стравинский, Герберт фон Караян, Леонард Бернстайн. Есть у «Флориана» и третий зал – зал Времени года.

Конечно, большинству туристов знакома лишь надводная часть «Флориана», цены здесь в самом деле кусаются, но и сервис хорош, кофе в серебряных кофейниках и чашках из лиможского фарфора с гербами XVIII века уже редко где подают. На улице чашка кофе, когда мы там бывали, стоила 10 евро, сейчас, наверное, стоит дороже. Но... только цена сохранила для нас «Флориан» в нынешнем состоянии, иначе бы он давно стал забегаловкой – за то и платим.

Марбелья (Испания), 2019